

Алексей Калугин

Деграданс

«ЭКСМО»

Калугин А. А.

Деграданс / А. А. Калугин — «Эксмо»,

Вы считаете нормальной ситуацией, когда писателей, в том числе и писателей-фантастов, нынче развелось тысячами? Или это закономерное следствие какого-либо процесса? Ответ: Это следствие коммерциализации искусства вообще. Конечно, тысячи писателей – это нелепость. Но ремесло требует ремесленников, и отбоя от них нет. В соавторстве с писателем Алексеем Калугиным мы написали роман «Деграданс», в котором, кажется, ответили на Ваш вопрос достаточно подробно)))

© Калугин А. А.

© Эксмо

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	11
4	13
5	14
6	17
7	20
8	21
9	24
10	25
11	27
12	29
13	32
14	34
15	37
16	39
17	41
18	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Геннадий ПРАШКЕВИЧ, Алексей КАЛУГИН ДЕГРАДАНС (Смерть в реале)

Часть первая ПРИВЕТ, ПОПУАСЫ!

1 ШИВЦОВ 8,30. Пятница

Настроение отвратное.

Или в душ, или повеситься.

В голове дурной туман от бесчисленных выкуренных сигарет.

Водка паленая? Ну да, наверное. А непаленая лучше? К черту все! Сунуть холодный ствол в рот, кислый вкус металла, нажать на курок... А где взять силы на это?... Помойка на душе, вековая смрадная свалка, под веками сухой песок... Уходить из мира с этим грузом? К черту все! Предрассветная серость... Уснуть с этим? Не получится... Как там мерзавец Калинин нашептывает? *«Только спать, спать, спать, и не видеть снов»*. Или это не он придумал?... Шивцов сжался. Была слабая надежда, что может быть сон придет в последний момент... Но так не бывает. В этой жизни вообще многого не бывает. Он злобно нашарил в темноте тапочки, хлопнул ладонью по невидимому выключателю. Свет резнул по воспаленным глазам, но пейзаж привлекательнее не стал. Обеды на тарелках, пустые бутылки, окурки. Только там, где сидел за столом Калинин, обеды уложены в тарелке каким-то неестественно аккуратным, каким-то даже красивым веночком.

Памятник вчерашней павшей жратве.

Жратвоприношение.

Разводы вина на стенках фужера – как разводы подсохшей крови.

А начали, казалось бы, цивилизно – в баре. Первую бутылку, ни к чему не обязывавшую, взял Андрей Ведаков, журналист из «Газетты». Этому главное – поговорить. Шивцов знал Ведакова со школьных лет, поэтому сильно к его словам не прислушивался. Где рождается новое искусство? Тоже мне вопрос. Уж наверное не в прокуренном баре. Хотя – как знать... Как рождается новое искусство? Уж тоже наверное не в пьяной болтовне. Хотя и это – как знать... Хорошо, во время появился Сашка Калинин, телеведущий Седьмого канала, красавчик, самоуверенный и наглый, подтянутый, в костюмчике не из магазина за углом, а Ведаков уехал в редакцию. Место Андрея заняла Ксюша Малышева, верстальщица из «Газетты». Прозвище Актриса. Соответствует. Ей бы танцевать в стрип-баре, крутя чудным задиком, а не просиживать дымные вечера со всякими придурками. Длинные ноги, милые завитушки у висков. *«Приятно видеть пыхтящую русалку, выползшую из леса»*. Минут через пять многоопытная ладонь Сашки Калинина лежала на узкой Ксюшиной руке, а она даже не вздрогнула. Это в кино красивые бабы дерутся без разбору. Раз – и по морде! Раз – и коленом в пах! *«Он сам*

нарвался, он сам нарвался, и в этом нет моей вины». Танго семи убийц крутили, кажется, по всей Москве. «А будь вы сами на нашем месте, вы поступили бы так, как мы».

«Выставка?... У Фабиана?...»

«А такое только у Фабиана увидишь!».

Так, незначайший разговорчик, каких тысячи на неделе, но рожа у Калинина вдруг пошла красными влажными пятнами. Что-то его зацепило. Он давно точил глаз на Ксюшу. И сейчас мысленно рвал с нее одежду, она это чувствовала, запунцовела. Только Шивцов молча глотал горький джин и старался не думать обо всех этих сложных дружеских взаимоотношениях. Самому последнему дураку известно, что новые женщины не цементируют старую дружбу.

«Мне и без Фабиана сны страшные...»

«Такого, дорогая, вы и в самом страшном сне не увидите».

«Венера в салопе», – хмыкнул Шивцов. Понятно, он имел в виду выставку у Фабиана Григорьевича, ничего больше, но Калинин заржал. Он знал несколько языков, для него и французские выражения не были тайной. *Салоп*. Он показал большой палец. Правильно, приятель! Правильно, дорогой! Именно так. *Салоп*. «У Фабиана даже бронзовых вакханок одевают в эротическое белье». Ладонь с Ксюшиной руки Калинин с неохотой снял, потому что в баре снова появился Ведаков с новостями из сгоревшей на Полянке дипмиссии. Кажется, албанской. Или гренландской. Если таковая существует. «*Дым еще клубится над Полянкой*». Теперь на Ксюшиной руке лежала широкая спокойная ладонь Ведакова. По хозяйски лежала. Длинноногая верстальщица и это приняла смиренно. А Андрей объяснил, чуть пожимая нежную руку: «Нормальный пожарчик. Жертв нет, убытки невелики. К тому же, дипы получают страховку, а вот жильцам закопченного дома напротив придется делать ремонт за свой счет».

– Сочувствуешь?

– Работа такая.

Выпили.

Повторили.

Калинин снова наладился на искусство.

– К Фабиану надо сходить. Такое увидишь только у Фабиана.

– Не слушай Сашку, – ухмыльнулся Ведаков. – И его разговоров об искусстве не слушай. Он в искусстве разбирается не больше, чем бомж в сарафанах восемнадцатого века. – Андрей любил цветастые сравнения, видно было, что и сейчас в глазах Ксюши заработал очко. – Думать надо не о новых произведениях. Если уж на то пошло, все нынешние новые произведения вырастают на руинах старого искусства, а значит, они по определению отравлены. Думать надо о *Новой эстетике*, – он так это и произнес, с напором. – О *Новой эстетике*. О принципиально новой оценке того, что мы видим, что ненавидим, чем любим. Ясно я выражаю? Новое искусство может родиться только из нового взгляда на мир. *Нового!* Понятно? Как когда-то родилась Афродита из пены. Никто ее не ждал, а она – вот я! Чтобы понять новое, к Фабиану ходить не надо. Там погано. Там падалью пахнет. – Ведаков смотрел, как упрямо темнеют красивые Ксюшины глаза, и уже знал, что она пойдет к Фабиану. На зло ему пойдет. Обязательно пойдет, сучка. Мнит себя новой Афродитой, а Калинин ее накачивает. «*Узнать меня – иметь меня*». Пойдет ведь, пойдет, наперекор мне пойдет, а потом три ночи подряд будет трястись от страха. Дать, что ли, Калинину по морде?

К счастью, Ведакова опять вызвали в редакцию.

Почти сразу ушла Ксюша, а Калинин был свободен, увязался за Шивцовым.

В запущенной двухкомнатной квартире они открыли еще одну бутылку. Она уже ничему не мешала.

«Чего Андрей к тебе вяжется? – Калинин имел в виду Ведакова. – Чего он все время тащит тебя в „Газетту“? Писать ты не умеешь, да платят там мало. Сидишь себе в охранном бюро, ну и сиди. Каждому свое, – он нагло подмигнул. – Ведаков типичный неудачник. Боись

таких. Он умеет говорить, это да. Для него слова только и важны. Заладил, как попугай: *Новая эстетика, новая эстетика!* А сам ничего, кроме железок Церетели, не видел. Какая, к черту, *Новая эстетика*? Все галереи до потолка забиты гениальными полотнами и скульптурами, а толку? Ты умнее стал от того, что у нас тысячи художников в твоём профессиональном союзе? Или, может, чувствовать стал глубже? Потрясений ищешь? Чечня у тебя не все отбила? Нет, Витя, – покачал Калинин головой, – я тебе так скажу: настоящее искусство умерло. Еще при Пушкине. Может, Пушкин его и убил. Нет больше никакого искусства!»

«А что есть?»

«Дерьмо. И еще раз дерьмо».

«А женщины? Ты, вижу, клинья под Ксюшу бьешь».

«Очнись, Витя! Когда это женщины были искусством? Того же Пушкина почитай, у него в дневниках много дельных мыслей. Женщины всегда были только *предметом искусства*. Всего лишь. Помнишь? *Жил-был дурак...* – О ком писал Киплинг, неизвестно, но Калинин точно подразумевал сейчас Ведакова. – *Он молился всерьез тряпкам, костям и пучку волос – все это пустою бабой звалось, но дурак ее звал Королевой Роз...*»

«Ты там упустил пару строк».

«Не упустил, а выбросил сознательно. Женщины – это все, что угодно, Витя, только никак не искусство. Сам подумай, стал бы ты трахать Джоконду? Она же шизанутая, по всему видно. У нее взгляд блаженный. Или „Шоколадницу“ Лиотара стал бы трахать? Да она еще от предыдущего клиента не отошла! За искусством, Витя, ходить надо не на Крымский вал, а к Трем вокзалам».

«Странно, Сашка. Ты повторяешь Андрея!»

Калинина перекосило. Это он-то повторяет Ведакова?

«Ты еще скажи, что я его повторяю, когда говорю о *хлебе и зрелищах!*»

Калинина вдруг прорвало. Он обозлился. «*Новая эстетика, новая эстетика!* О какой *Новой эстетике* идет речь, если все давно прогнило? На трухлявых пнях растут в основном поганки, так ведь?»

«Опенки еще».

«Плевал я на опенки! Что такое *Новая эстетика*? Умение по новому втюхивать старую хрень? Ну так и говорите, чего врать? Андрей – неудачник, дурак, невежа. Нашел, кем мне тыкать в нос. Так он и просидит всю жизнь в отделе новостей, подчищая чужие статьи!»

Шивцов выругался.

Блин, как надрались вчера, все болит.

Смял сигарету. Ну да, Андрей неудачник. Это точно. Но не всем же подметки рвать, не всем идет пруха. Это у Калинина не жизнь, а вечный праздник. Он ночью вполне мог рвануть к Ксюше. Девушка друга? Вот тоже! Его такая мелочь не остановит. Если Ксюша откроет дверь...

А она откроет...

Сашка – стервятник.

Но стервятник он обаятельный.

Шивцов потерял виски. Из пустой ванной пахнуло сыростью.

Глянув в зеркало, какое-то слишком уж прозрачное, как бы выцветшее, Шивцов провел ладонью по колючей щеке, но бриться не стал. Плеснув холодной водой в лицо, вернулся в комнату, вытянул из-под кровати большую спортивную сумку. Вот зачем каждый раз наступает утро?... Уснуть бы насовсем... Так голова болит страшно... Сумка темно-синяя – с желтой полосой, со скалящейся тигрицей... Нет, это у Калинина она выглядела бы тигрицей, а здесь стоит на раскоряку, как шлюха... Оттуда же, из-под кровати, Шивцов вытащил обернутый серой холстиной сверток. Своей тайной коллекцией он любовался нечасто, только когда уж очень припекало. Оружие не новое, но в отличном состоянии. Ухоженное, поблескивают лаком деревянные части. Сладкий запах смазки. Обрез карабина *М-1*, четыре магазина к нему.

Пистолеты: израильский восьмизарядный «*Ерихон*» (та еще труба – мертвого разбудит!) и отечественная «*Гюрза*» (эта очень больно кусается). Две осколочные гранаты. Тут же, в мутноватом целлофане, нежные брикеты пластида с детонаторами. Через руки Шивцова за последнюю пару лет прошли десятки таких стволов и немало взрывчатки. Он удачно покупал, удачно перепродавал, обменивал. Знал толк в оружии.

Обойма плавно вошла в рукоять пистолета.

Отложил в сторону «*Ерихон*». Неторопливо, со знанием дела продернул через кольца гранат плотный обрывок капронового фала, стянул узлом. Сам еще не знал, к чему такие приготовления. Так... На всякий случай... Морщась от головной боли, вывернул коробку с инструментами, набил две пустых консервных банки мелкими гвоздями, шурупами, гайками. Аккуратно вложил пластид, воткнул взрыватели.

Теперь все это в сумку.

Не торопясь, с пониманием.

Сверху – обрез и пистолеты. Ну что еще?

Опять мимолетно глянул в зеркало. Морда небритая, но это ничего. Нынче такая вот трехдневная щетина в моде. Символ мужественности. Мятые джинсы. Потертые кроссовки, футболка, ветровка. Типичный московский придурок. Сунул в наружный карманчик ветровки зажигалку, в другой – сигареты. Потопал, попрыгал на месте, проверяя, не мешает ли что, не погромыживает ли в карманах?

Теперь бейсболку... Солнцезащитные очки...

Утро туманное... Утро лихое... Голова разламывалась. Из зеркала смотрел на Шивцова ничем не примечательный тип с темно-синей сумкой на плече. С такими сумками бабы ездят на дачу.

2

ВЕДАКОВ

9,00. Пятница

К половине одиннадцатого статья должна лежать на столе главного.

Хорошо, что я не потащился вчера к Шивцову. И так голова тугая. Ведаков медленно прошелся по клавиатуре компьютера. Работа есть работа. Главное, удивить читателей. Дать им по мозгам. Не жалеть патетики, не жалеть восклицательных знаков. У болгар, кстати, восклицательный знак именуется удивительным.

А у якутов? Поэт Август М., он как называет восклицательный знак?

Зря не спросил. Поэт Август М., выступавший вчера в Доме литераторов, представился собравшимся как якутский гений. Нет, не первый, нет. Он представился как *последний* якутский гений. Разницу чувствуете? Гениев и раньше было немного, скромно сказал Август М., а сейчас их совсем нет, вот только я остался, однако. Таковы особенности полярного климата. Черные длинные волосы. Тоже северная деталь. Правда, волосы, похоже, давно не мыты. Однако.

Якутский гений нервно кусал ногти, смотрел постно.

Часть журналистов сразу слиняла.

«Меня знают в Якутске и в Париже».

После этих слов из зала вышло еще несколько человек.

Ведаков остался только потому, что сидящий впереди Сашка Калинин слушал якута с непонятным интересом. Что-то видимо находил в болтовне последнего гения. Он просто так время терять не станет. «Оледенение душ... Эпоха ужаса... Мертвые языки ледников спускаются к мировым столицам... Глаз последнего охотника... Моя душа – как распахнутое северное сияние... Я пришел вымораживать бледные страсти... Москва – мегаполис карликов...»

Как ни странно, у якута была своя концепция.

«Главный двигатель мирового искусства – *лепра*».

Сперва Ведаков решил, что ослышался. Решил, что на самом деле якут произнес – *депра*. Но нет, никакой депры, депра – это для горожан. Август М., последний якутский гений, говорил о лепре. Именно о ней, о страшной, неизлечимой болезни, живьем медленно поедающей людей. Понимание искусства – это понимание неизбежности неизбежной смерти, сказал Август М. Лепра поражает человеческое тело, а искусство поражает человеческую душу. Мировое искусство возникло как ранняя реакция человечества на ужас проказы, как подсознательный рефлекс умирающего человека – защититься. Как инстинктивная попытка зацепиться за живую жизнь, создать хотя бы миф, закуклиться в собственных представлениях, как бы ни были они наивны. В запечатанную скорбью душу не всякий микроб проникнет. Образ мира, течение наших смертных мыслей, деяния и апатию – все определяет лепра.

Так считал последний якутский гений Август М.

Трибы больных людей всегда кочевали по Азии, медлительно заявил он. На равнинах Европы еще бродили жирные мамонты, мускулистые неандертальцы размахивали тяжелыми дубинками, а по снегам Азии кочевали люди разумные, обсыпанные снежной сыпью...

Первым не выдержал Калинин.

«Кто ваш босс?» – бросил с места.

Наверное, хотел узнать имя мецената, пригласившего поэта в Москву, но Август М. вопрос понял по своему, ответил негромко:

«Смерть!»

«Это вас заводит?»

«Это открывает будущее».

«Прочтите нам свои стихи».

«С удовольствием. Но по-французски».

«А почему по-французски? Здесь сидят исключительно русские журналисты».

«Мегаполис карликов не способен на понимание. Мне удобнее читать по-французски, все равно смысл до вас не дойдет».

Калинин заржал. Ведаков завистливо пожал плечами. У Сашки все получается. Ему все в жилу, все в кайф. Рыбий грипп, снежный человек под Архангельском (приходит к некой Дарье Волковой, отзывается на кличку Яша), перестановки в новом правительстве, тотальный отстрел банкиров, терроризм. Какой бы темы ни касался Калинин, его материалы идут на ура. Имя Калинина задирает тиражи «Газетты». Он умеет не только показывать и ужасать, он умеет обещать и радовать. В конце двадцатого века некий Энди Уорхолл каждому жителю планеты предсказывал обязательные пятнадцать минут индивидуальной славы, а вот Калинин ничего не предсказывал. Он просто развлекал. Он тыкал пальцем в человека и говорил: вот, ребята, вот с этим человеком надо дружить! И указанного человека начинали узнавать в метро. Он тыкал пальцем в заезжую знаменитость, и говорил: ребята, это полное фуфло! Давайте встанем посреди концерта, когда это вонючее фуфло распоеется, и крикнем: эй, ты где покупала такие кривые колготки? Калинин умел работать. Вывел в центральный эфир полуграмотного писателя из провинции, превратил его в идола молодежи. Какую-то домохозяйку из Твери сделал губернатором. В буквальном смысле выкраденный дневник собственной любовницы издал со своим же собственным весьма неоднозначным комментарием. Причем, книгу так и назвал – «Выкраденный дневник».

Умеет...

3

ШИВЦОВ

9,20. Пятница

Шумная улица.

Спортивная сумка на плече.

Никакой цели у Шивцова не было.

Головная боль и случайные мысли.

Кто-то должен ответить... Кто-то обязательно ответит за все...

Ведаков неудачник, хрен с ним, но ему-то, Шивцову, лучше разве от этого? Ему даже положенную инвалидность не дали. Врач из военного госпиталя понимающе и подло ухмыльнулся: косим, дружок? И подмигнул: на себя, дескать, надо рассчитывать, а не на тощий государственный карман.

Отстёбыш! Пристрелить гада!

Боль сверлила виски. Толкучка раздражала.

БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ В МЕСТАХ БОЛЬШОГО СКОПЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ!

Еще бы! У входа в метро такие указания особенно приятны. *«Скорпионы в начале недели могут ставить большие цели... Хорошее время для перемены занятий... Неожиданные идеи меняют жизнь...»* Астрологический прогноз ярко высвечивался на плазменном экране информационного центра.

А ТЫ УЖЕ КУПИЛ НОВУЮ BMW?

Платиновая красotka вызываяще подмигнула Шивцову.

Наверное, падла, дружит с тем самым врачом из медкомиссии.

ВИД НА МОСКВУ-РЕКУ! КВАРТИРЫ В ЭЛИТНОМ ДОМЕ!

Шивцов на ходу достал сигареты.

День медленно, но ощутимо наливался духотой.

Мерзким городским бризом тянуло с ревушей проезжей части.

Неоновая вывеска «Макдональдса» напомнила о еде. Шивцов повернул было к входу, но тормознул. Там же охранники с металлоискателями. После очередного взрыва в метро повсюду торчат охранники. Только что с них толку? Как можно остановить человека, похожего на меня? Даже дети это понимают.

Шивцов подумал о детях потому, что на новый год маленькая племянница затащила его на детский утренник. Все там было тип топ. Все там было придумано самими детьми. Замечательная елка, замечательные гирлянды. Сейчас сказка начнется. Свет погасили, раздвинули занавес. На темной сцене зловещее завывание пурги, крик слабый, отчаянный (детские сердчишки заходятся):

«Ваняяяя!»

В ответ умирающее, ужасное (сердчишки заходятся еще сильнее):

«Маняяяяяяяяя!»

Безнадежная лесная перекличка.

«Ваняяяяяяяяя!» – «Маняяяяяяяяяя!»

Дети в напряжении. Колотятся, бьются сердчишки. Вот сейчас выскочат, наконец, Ваня и Маня на сцену, зал взвост от радости, завопит, засвистит, затопает ногами, вспыхнут волшеб-

ные прожектора, но на самой высокой томительной ноте, когда кулачки сжаты, когда сердца обрываются в ледяную пропасть и слезы ужаса наворачиваются на глаза, сумятицу сумеречной пурги разорвал тоскливый вой волков...

4

ШИВЦОВ

9,25. Пятница

Миновав «Макдональдс», Шивцов осмотрелся.

Вот вполне кислотное местечко. Расплывшаяся лужа на асфальте (пожарный гидрант сифонит), витрина с вызывающе длинноногими Барби, одноногие столики перед синеньким ларьком ООО «Гектор». Выбор небогатый: вялый салат, теплая кола, сосиски в тесте, куриные ножки по цене элитной проститутки. Шивцов молча пристроился у крайнего столика, сумку сунул под ноги. Кола отдавала смолой, под вилок скользко и противно ползала тоненькая пластинка огурца. В трех метрах от ларька дородная баба в накинутом на плечи пестром национальном платке шумно рекламировала свой товар: «А вот средство от тараканов! А вот средство от тараканов!» Случайный немец невольно заинтересовался: «Что есть таракан, фроляйн?» – «Да все он есть! – шумно обрадовалась фроляйн. – И хлеб есть! И мясо!»

Если бы не боль в висках...

Шивцов снова вспомнил Калинина.

Сашка вчера прочитал поэму. На память, наизусть.

Секс, ужас и достоверность. Так Калинин торжественно объявил.

А сюжет ненавязчив. Простенький, скажем, сюжет. Некий повар Гришка с Поварской, упорно рифмовавшейся у Калинина с запором и у упором, нечаянно упал в котлован строящегося дома с бутылкой водки в руках. А рабочим что? Они вниз не смотрят. Они бетон плеснули и уехали. Тут праздник. Салют. Скоро поднялись над столицей роскошные корпуса. Прошли длинной чередой многие века всеобщей радости и чудесного освобожденного труда. И вот, через сто и тысячу лет, умные археологи, работая в руинах уже старинных, уже обреченных на слом домов, наткнулись на скелет повара Гришки. Ну, не совсем скелет, так скажем, просто ожелезненный скелетец, но при нем бутылка! Целенькая!

«А где ужас? Где достоверность. Где обещанный секс?»

«Ишь чего захотел! Сразу видно, что ты из тех, кто никогда не испытывал творческого оргазма».

5 ВЕДАКОВ 10,20. Пятница

Ведаков положил распечатку на стол.

Круглая голова, рябые прядки неровно седеющих волос.

Главред поднял голову, поморгал, потом нажал на кнопку вызова.

Все советское время главред просидел в корректорах, был терпелив, никуда ни с чем не торопился, а в годы перестройки удачно примкнул к демократам. Да и к кому еще примкнешь с такой броской фамилией – Декельбаум? Бросил распечатку заглянувшему в кабинет курьеру: «В набор!»

А вот Калинин он бы предложил кофе.

Ведаков вздохнул. Калинин всегда на коне.

Однажды при пересылке статьи редакционный компьютер каким-то образом съел букву *с* в слове *снежный*. По всему тексту. Конечно, дежурный эту странность заметил, но найти автора в тот момент было невозможно, а кто же возьмет на себя смелость править знаменитого Александра Федоровича Калинина? Раз написано им *нежный*, значит, так тому и быть. Вся страна в тот день узнала, что в хвойных диких лесах Сибири охотники отловили *нежного* человека. До приезда крупных ученых поселили *нежного* в общежитии местного техникума. Пьянки, драки. *Нежный* все-таки. Калинин сам обалдел от неожиданного ракурса. К вечеру продали три дополнительных тиража. Хохотала вся страна, а главред по первому каналу *TV* заявил, что сделано все было намеренно, с тем, чтобы закрыть, наконец, одну из самых спекулятивных тем в прессе.

«Интересно, – подумал Ведаков уже в коридоре. – Заметит кто-нибудь, если я смоюсь с работы?» Не то, чтобы ему очень хотелось смыться, но он никак не мог дозвониться до Ксюши. Это его бесило. Длинные гудки на домашнем телефоне, мобильник напрочь заблокирован. *Абонент временно недоступен*. Где дура шатается с утра? Не похоже на Ксюшу. Обычно она еще спит. Может, пошла к массажистке? Или поехала к матери? Старой мегере Ведаков звонить не стал, она его на дух не выносила. Подумав, набрал номер Шивцова, но и там долгие гудки. Вроде Калинин вчера приглашал Ксюшу на выставку... Но вряд ли она с утра поперла к Фабиану.

Длинные гудки.

Везде длинные безнадёжные гудки.

Неожиданно нагрять к Ксюше? Смыться с работы?

А если хватятся? А если потребуют к главреду? Вылететь с работы легко. Пока бесцельно мотаешься по кабинетам, бьешь баклуши да гоняешь чай, вроде бы ты при деле, а вот отлучишься на минуту, сразу начнут искать... Еще, кажется, у Ксюши было приглашение на открытие ресторанчика «*Пинк-леди*». Но это же не утром! Да и не встала бы она по такому случаю.

Ревнивое нетерпение гнало Ведакова из кабинета в кабинет.

В редакции новостей бормотало радио, уютно помигивал телевизор.

Перед Федей Жискиным на неудобных стульях (специально для посетителей) – два пошедших плесенью ветерана. Встречались вчера, кто еще жив, в кафешке в Столешном, вспоминали боевые годы, а теперь явились в «Газетту» поделиться воспоминаниями о том, как в 1973 году во Вьетнаме они чуть не угнали у американцев Б-52, «Летающую крепость».

«Угнали?»

«Да нет. Хотели только».

Желая побыстрее спровадить героев, Федя ни кофе, ни чаю гостям не предложил. Но на то они и герои – они извлекли из сумки бутылочку. Хватанув сто граммов, Федя неожиданно заговорил про санитарок. Что-то он не понимает. Как это невидные девки таскали на себе здоровенных мужиков?

«Мышь стогом не задавишь».

Назревала интересная дискуссия, но вмешался Ведаков:

«Федя! К главному пора, на планерку».

Герои все поняли правильно и ретировались.

Жискин спросил:

– Сдал материал?

Если бы Ведаков не знал Федю, как облупленного, то решил бы, что он издевается.

Но Федя не издевался. Просто он был так устроен. Пьет мало, любит правду, курит только красный «Мальборо». Прославился интервью со знаменитым американским фантастом. «Почему летаю в Россию через Рим? – удивился Фединому вопросу знаменитый фантаст. – Так дешевле». – «А почему летаете без жены?» – «Так дешевле». – «А почему решили стать писателем?» – «Писателей хоронят за счет государства». То есть, опять выходит дешевле. «Спасибо!» – закончил Федя Жискин знакомым ему английским словом, но как-то так получилось, что вместо обычного *фенк ю* вырвалось у него *фак ю*! «Ты, Федя, дурак, – потом объяснил ему Калинин. – С этого следовало начинать, а не заканчивать. Выдал бы старику в глаза: *фак ю*, отец, чего болтаешься по России? Он бы много интересного наговорил».

– Будешь смотреть?

Жискин вынул из ящика толстую папку.

Он знал интересы Ведакова. Следить за всем, что кажется необычным.

Вот, например, такая заметка. Некий фермер из интеллигентов решил выращивать в Подмоскovie свеклу. Взял землю в аренду, выписал «Ботанический журнал». На колесном «Кировце» с полным пониманием ответственности отправился поднимать пары. Земля разваливалась под плугом, со стороны скоростного шоссе несло мерзкую сухую пыль. Нескончаемый поток машин, неумолчный рокот, шум, рев, будто дымный прибой бьется о берега. Часам к двенадцати новоявленный фермер устал, не обращая внимания на рев и вонь, устроил на пеньке нехитрую закуску. Из жидкого оказалась у него только чекушка водки. Первые сто граммов решил закинуть красиво. Отвел локоть в сторону, крикнул, но кто-то требовательно постучал по плечу. – «Да идите вы!» – Местные алкаши чуют алкоголь за версту. Интеллигент спокойно взял свой вес, и только тогда оглянулся. И завопил от ужаса. В глаза ему, опираясь на блестящие, под собственным весом расплзающиеся кольца, пристально и холодно смотрел гигантский питон. О природе такого феномена фермер задумываться не стал, расшиб чекушку о пенек и с этой «розочкой» в отчаянье бросился на чудовище. Отступать некуда – позади Москва...

А что, подумал Ведаков, все верно. Так и должно быть. Сегодняшний день красками Фонвизина не напишешь. Жискин тем временем включил телевизор и с большого экрана уставился на Ведакова низколобый небритый мужик. Смотри-ка ты, удивился Ведаков. Вот узколобый и небритый, а сумел подпалить мечеть в Казани. Три часа пылала, как танк. Пусть теперь татары разбираются.

– А что нового по Москве?

– А ты еще не знаешь? – хищно потер руки Жискин.

По экрану побежали кадры с Тверской. Оказывается, ночью завалили памятник Первому мэру столицы. Дымящиеся обломки гранита, перекрученная бронза. «Всем гражданам отойти за ограждения! – матерясь, орали милиционеры. – Всем гражданам отойти за ограждения! Всем сказано! Всем!»

– Калинин, небось, уже на взрыве? – завистливо спросил Ведаков.

– А вот и нет, не поверишь, – хихикнул Жискин. – Найти Сашку нигде не могут.

Кольнуло в сердце:

– Улетел куда-то?

– Да кто бы знал.

И Ксюша не отвечает...

Ведаков отвел потемневшие глаза.

Ну не отвечает и не отвечает... Спит, наверное, вытянула длинные ножки... А Калинин запить мог. Вчера хорошо поддали с Шивцовым. Запил и завалился к какой-нибудь шлюхе... С длинными ножками... У него много шлюх... А Ксюша, конечно, спит... У нее отгулы...

«Майкл Андерсон Нудвин, – пытался Ведаков вникнуть в содержание очередной выловленной Жискиным заметки, – был приговорен к смертной казни на электрическом стуле. В течение года подал пять апелляций. Все были отклонены. За три дня до исполнения приговора был случайно убит разрядом электрического тока. Сидя на металлическом унитазе пытался отладить неисправный телевизор».

Бывает и такое.

А Калинин любит выпить... Ксюша тут не при чем...

«Акбар аль-Хатиб – игрок сборной Саудовской Аравии по бейсболу. Попал под прицел арабских журналистов. Выяснено, что Акбар-аль-Хатиб сам лично принимал участие во многих шариатских казнях. Саудовские власти запретили Акбару аль-Хатибу участвовать в побитии жертв камнями, потому что многие правоверные не раз выражали крайнее недовольство удивительной меткостью бейсболиста, слишком рано заканчивавшего казнь».

Действительно.

Такого только подпусти.

А Калинин цепкий... И здоровышко у него завидное...

«Арман Майвес – каннибал-гомосексуалист. Называет себя Лютиком. Отбывает бессрочное наказание в тюрьме Синг-Синг. Пишет новую книгу о сложностях и проблемах своего духовного роста. Готов рассмотреть любое выгодное предложение издателей».

Кстати, Ксюша с ее дурацким характером вполне могла попереть к «Фабиану Григорьевичу»...

Мало ли что рано еще...

Рано, не рано...

Красавиц тянет на запах падали...

6

ПЕТУНИН

10.30. Пятница

«Да вы что? С чего вдруг такой напор?»

Голос подполковника Стопольского, командира о/п «Антитеррор», как дальний, но отчетливый гром, выбивался из-за неплотно притворенных дверей кабинета.

– Кто там у него? – поинтересовался Петунин.

– Депутаты, товарищ капитан.

– Чем они так его достали?

– Ну, вы же знаете... – улыбнулась секретарша.

– Памятник мэру? О нем речь?

– Ну да.

– Ясненько...

Капитан приоткрыл дверь:

– Разрешите, товарищ подполковник!

И вошел, не дожидаясь ответа. Цепко огляделся. Оба гостевых кресла заняты. Что-то толстоваты эти гости для верных слуг народа. Но ошибки нет, на лацканах пиджаков поблескивают депутатские значки.

– ...у нас гексоген в редакции газеты «Завтра»... – негромко, но яростно шипел подполковник Стопольский. – У нас противотанковая граната в мусорном ящике на Миклухо-Маклая... Растяжка на четвертом кольце... На Расплетина сожженная машина с фармацевтами... – Здорово его разогрели депутаты. Перевел взгляд на Петунина: – Что за черт? Почему фармацевтов-то навесили на нас?

– Вроде гашиш развешивали.

Подполковник хмыкнул. Снова уставился на депутатов:

– У нас поджог супермаркета на Лыкова... В издательстве «ОМУ» подозрительный белый порошок в бандероли...

– Канистра с соляной кислотой на детской площадке, – подсказал Петунин.

– Вот-вот... Еще и канистра...

Такой вот скандальный тон в беседе с государственными людьми мог позволить себе только командир группы «Антитеррор» – ее давний создатель и вдохновитель. Подполковник Стопольский сам подбирал для группы людей, настоящих профессионалов, сам искал нужное оружие, сам его испытывал, и всегда на всех уровнях власти только сам отстаивал самостоятельность о/п, своего особого подразделения. А то получится, неумолимо втолковывал он властям, как с теми несчастными трансплантологами. Помните? После показательных судилищ над их коллегами они теперь боятся собаке откушенный член пришить.

– Но вы поймите и нас, – настаивал лысый дородный депутат, вытирая влажные красные щеки широким носовым платком. – Бомба под Первым мэром – это вовсе не хулиганство. Это похуже. Это пахнет политикой. Это вовсе не выражение некоторой неприязни отдельных лиц, как подают случившееся средства массовой информации. Это террор!

– Надеюсь, вы не об алтайских сепаратистах?

– Вот видите. Тут ниточки могут вести куда угодно. Значит, видели уже этот сайт?

– Не видел, и смотреть не хочу. Для этого у меня есть специальные люди. Некогда мне терять время на эту чепуху. Вот что я вам скажу, господа депутаты. У меня есть внук, парнишка молодой, но уже понимает кое-что. Так вот он тоже создал сайт и даже время от времени

вывешивает на нем страшные угрозы в мой адрес, когда я ему денег не даю на новые игры. Что же теперь делать с этим? Какие меры я должен применить против этого юного террориста?

Подполковник свирепо повел глазами:

– Капитан Петунин!

– Слушаю, товарищ подполковник!

– Какого черта? Есть у нас достоверная информация по этим алтайским сепаратистам?

– Так точно, есть!

– Доложите!

– Вышеназванной террористической организации не существует в природе.

– А сайт?

– А сайт существует.

– Нашли провайдера?

– Разумеется.

– Поговорили с ним?

– Пытались.

– Как это пытались?

– Да так. Его господа депутаты отмазывают. Он у них свой человек.

Петунин нагнулся и шепнул имя провайдера на ухо подполковнику, тот удивленно вскинул брови.

– Да, да, товарищ подполковник. Люди совсем с ума посходили. Ведут себя, как в Госдуме. – Капитан знал, как унять раздражение начальника. – Виноват, товарищ подполковник, но нынче свобода в Сети очень неверно понимается не особо сознательными гражданами. Существуют, скажем, сайты, авторитетно заявляющие о скором конце света. Некоторые даже точную дату называют... – Петунин на глазах изумленных такой вольностью депутатов присел на край стола и вызывающе покачал ногой в зеркально начищенном башмаке. – Ну, так что теперь? Закрывать все эти сайты? А если они, не дай бог, угадают? К тому же, товарищ подполковник, – сбавил он тон, – оперативники уже установили, что памятник Первому мэру разнесли в пыль вовсе не какие-то там алтайские сепаратисты, а отчаявшиеся студенты художественного училища. Хотели таким вот образом выразить свой взгляд на то, какими памятниками следует украшать столицу.

– А с другими формами выражения своих взглядов студенты не знакомы?

– Почему же? Пробовали митинговать. Но студентов по просьбе господ депутатов бьет милиция.

– Вы что себе позволяете, капитан? – не выдержал второй депутат, тоже округлый, дородный, багровый, но в бороде, глазастый.

– Ничего личного, – поднял руку подполковник. Отдавать подчиненного депутатам он не хотел. – В нашей работе, господа депутаты, главное не накручивать ничего лишнего, не устраивать никакой пустой шумихи. Я бы советовал вам держать подальше от подобных дел ваших популярных борзописцев. Ну, типа вашего любимчика Калинина. Пусть уж смешит народ нежными человечками, у него это здорово получается. А взрыв памятника Первому мэру попадает скорее под статью *хулиганство*... – подполковник угрожающе поднял указательный палец. – Ну, может, *дерзкое хулиганство*. Но никак уж не террор, никак не политика. Так что, петицию вашу следует послать...

Стопольский выдержал недурную паузу:

– ...в Министерство внутренних дел!

– Это как же вас следует понимать? – оторопели депутаты. – Вы не хотите идти с нами на контакт?

– Правильно поняли, – мрачно кивнул подполковник.

Депутаты дружно встали. Оба толстые, багровые, недовольные. Строптивый подполковник, к сожалению, не подпадал под их власть. И они пока не знали, как собственно нужно на него надавить. Но, конечно, искали подхода, искали. Стопольский это прекрасно чувствовал. Потому и заорал на капитана, чуть только дверь за гостями захлопнулась:

– Какого черта ты расселся на моем столе?

– Так кресла же были заняты, Николай Николаевич.

– Ну, ты и наглец, Алексей Иванович! Плевать ему, видите ли, и на своего прямого начальника, и на важных гостей из Госдумы! Я гляжу, ты способен и матом их обложить.

– Никак нет, товарищ подполковник!

– И то ладно, – хмуро кивнул Стопольский. И разрешил:

– Докладывай. Откуда у тебя информация об этих студентах?

– Из информированных источников, – ухмыльнулся капитан. – Господа депутаты, как водится, отстают от жизни. Им еще не сообщили, что мальчишек, решивших поиграться с динамитом, уже нашли.

7
ШИВЦОВ
10,42. Пятница

Шивцов вышел к Лубянке.

Он не торопился. Голова болела так, что торопись, не торопись – все едино.

На фасаде бывшего Политехнического ярко светился гигантский плазменный экран. Разбитый на секторы, он демонстрировал сразу восемь новостных каналов. При этом особая акустическая система позволяла каждому зрителю слышать только те комментарии, что относились к сектору, выделенному его взглядом.

...НОВАЯ БОМБЕЖКА ЛИВАНА.

...ТАНКИ В СЕКТОРЕ ГАЗА.

...РАКЕТЫ ПАДАЮТ НА ХАЙФУ.

...ОЛЕАР В ГНЕВЕ! ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ ВЕЛИКОГО ТРАНСВЕСТИТА СОРВАН ХУЛИГАНСТВУЮЩИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ИРКУТСКА. ВЫИГРАЕТ ЛИ ОЛЕАР ПРОЦЕСС?

...СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА, В ТЕЧЕНИЕ ДЕВЯТИ ЛЕТ ДЕЙСТВОВАВШИЙ В ПОДМОСКОВЬЕ, АРЕСТОВАН. УБИЙЦЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ. ОН УЧИЛСЯ В ПРЕСТИЖНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОЛЛЕДЖЕ.

...СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВНОВЬ ПРОДЛЕВАЮТ СРОК ПРЕБЫВАНИЯ В ИРАКЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ. ДЕМОКРАТЫ НАСТАИВАЮТ НА ИМПИЧМЕНТЕ ПРЕЗИДЕНТА.

...ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ДЖОРДЖИИ ОБСУЖДАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАПУСКА В ШИРОКУЮ ПРОДАЖУ ГЛОБУСА ГРУЗИИ.

...ВЗОРВАН ПАМЯТНИК ПЕРВОМУ МЭРУ МОСКВЫ.

...MY BABY SHOT ME DOWN.

...ОЧЕРЕДИ В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ГАЛЕРЕЮ «У ФАБИАНА ГРИГОРЬЕВИЧА.

На экране возник фрагмент размытый полуразложившегося трупа.

Интересно, а где это в наше время можно купить покойника? – пришло в голову Шивцова. Все продается, это точно. Но не все можно купить. Где этот гребаный немец добывает трупы для своих выставок? Товар ведь не массового спроса... Боль спицами впивалась в мозг Шивцова. Будто накинули сетку с шипами и сжимают, сжимают, сжимают и ничего с этим не сделать, хоть рви череп ногтями. О методе немца Гюнтера фон Хагенса вчера рассказывал в баре Ведаков. Понятно, метод немца Ведаков привязывал все к той же своей *Новой эстетике*... А немец, видно, не дурак. Ничего особенного не придумал, но заинтриговал... Выкладывает инсталляции из препарированных внутренних органов человека... Ну и что? Ничего противозаконного... Черт, как разламывается голова, чуть не застонал Шивцов... А до галереи тут всего ничего, четверть часа пешком...

8 ШИВЦОВ 10,48. Пятница

К галерее действительно тянулась очередь.

Не такая огромная, как показывали в новостях, но впечатляющая.

Человек тридцать, может, тридцать пять. Точнее считать не хотелось.

Какая-то толстуха, явно на кремлевской диете. Такую с утра только к немцу и заманишь. Поддатые ребята в ярких футболках. «Мой президент – идиот». Надписи на пяти языках, любуйтесь, какие мы смелые! Худой длинный тип в костюме, будто собрался в вечерний клуб. Наверное, считает искусство праздником. Морды у всех веселые, не голодные, на безработных не похожи, никуда не торопятся, а вход на выставку фон Хагенса не дешевый, значит, денежки у всех имеются.

«Ходи не на Крымский вал, а ходи к Трем вокзалам. Там живые девки пирожками торгуют».

Чушь собачья!

Непонятно, зачем Калинин это твердил?

К фон Хагенсу живые девки с пирожками с утра не ходят.

К фон Хагенсу ходят изящные девушки, оценил Шивцов. *Dress-code* у каждой отменно обдуман, не считая, конечно, толстухи... Вон туфельки-леопарды... Не из магазинчика ширпотреба... Сетка с прихотливым швом... Бусы из черного жемчуга... Не бедные... Воспитанные... Любопытствуют... Пришли посмотреть на художественные трупы... На цветном плакате у входа доходчивая картинка: обнаженный кривоногий всадник с выдранными глазами, кожа с левого плеча сдернута, повисла влажным лоскутом, мышцы кровоточат, живот выпотрошен, и лошадь весело скалит огромные желтые зубы, правая передняя нога перевита жгутом окровавленных сухожилий.

Шивцову плакат понравился.

Ни на кого не обращая внимания, протолкался к стеклянным дверям.

Накачанный парень в классных потертых джинсах и в такой же потертой джинсовой жилетке, с подружкой под руку (длинная, скромная, лощеная тварь в белых по локоть перчатках, глаза чудесно искрятся), демонстративно лениво положил перед Шивцовым мускулистую руку на турникет.

Намекал, козел.

Красовался перед девушкой.

Короткое движение. Сжатыми пальцами в наглодвигающийся кадык.

– Вы что это себе позволяете?!

Шивцов обернулся, но неизвестный борец за справедливость не пожелал себя обозначить. Очередь радостно замерла, сбилась, люди теснились, всем хотелось видеть, как судорожно прокашливается схватившийся за горло парень в джинсовой жилетке.

Шивцов лениво постучал в стекло.

Головная боль на мгновение отступила.

Дюжий охранник в темно-синей форме глянул в сторону Шивцова, но к дверям не поспешил. Жевал что-то, кивал издали неторопливо. Только после третьей попытки дозваться, недовольно приблизился к стеклянной двери.

– Какого хрена?

– Открой дверь.

– Да у нас сейчас зал полон.

Все же приоткрыл дверь:

– Чего тебе? У нас полно посетителей. Вот выйдут, впустим всех вас.

Демонстративно поправил широкий ремень, на котором побренькивали, совсем как игрушечные, пластиковые наручники-шокеры. Так придумано: попробуешь снять, а они тебя током.

– Позови хозяина.

– Нет его. Только бухгалтер.

– Да мне без разницы. Можешь никого не звать.

Короткий взмах. Охранник свалился на пол. Шивцов аккуратно прикрыл за собой стеклянную дверь. Теперь толпа ахнула еще восторженнее, сбилась еще теснее. Сунув пистолет под челюсть охраннику, Шивцов сорвал с пояса наручники и пристегнул толстую руку к батарее отопления. Шокер автоматически отключился. Очередь гудела, как потревоженный рой. Этому немцу в воображении не отказать! Фон Хагенс знал, как поставить зрелище! Никто не собирался звать милицию. Побить охранника – да это, наверное, входит в программу выставки! Очередь, потеряв стройность и лаконичную определенность формы, затаила дыхание, взволнованно и напряженно следила за тем, как Шивцов внимательно изучает проводку сигнализации. Охранник на полу каким-то образом умудрился сесть. Вытянув толстые ноги под прямым углом, он пучил тупые непонимающие глаза: если все такое делается по приказу хозяина, то какого черта его не предупредили?

– Тебя кто послал?

Шивцов не ответил.

Боль в голове медленно отступала.

Он опустил металлическую решетку, потом жалюзи.

Очередь недовольно зароптала, но Шивцову было наплевать.

Он внимательно оглядел коридоры. Головная боль затаилась, будто пораженная его поступками. Довольно широкий коридор метрах в трех терялся за поворотом, другой, вдвое уже, вел в сумеречную глубину выставочного зала. Оттуда доносились приглушенные голоса.

– Сколько здесь залов?

– Два, – прохрипел охранник.

– Между ними дверь?

– Нет, арка.

– А узкий коридор куда ведет?

– В кабинеты. Там администрация.

– Сколько человек в охране?

– Я один.

– Совсем один? – не поверил Шивцов.

– Ну еще две смотрительницы... Божьи одуванчики... – Охранник потихоньку приходил в себя, осматривался. – Бога не боятся, дуры, нашли, где служить... Да и ты тоже. Слышь, малый? Какая тут может быть охрана? Кто мертвяков утащит? Кто сюда полезет?

– Я же полез.

– Вот я и ломаю голову, *зачем?*

– Отдохни, поймешь, – пообещал Шивцов. – Сколько сотрудников на месте?

– Бухгалтер и кассир. И обе смотрительницы. Минут десять назад запустили в залы группу. А хозяин в отъезде. Коптится где-то на островах...

И попросил осторожно:

– Ты наручники-тоними...

– Не торопись...

Боль вдруг ушла совсем.

– Не торопись, родной...

Шивцов ловко раздвинул жалюзи и наклепил на стеклянную дверь брикет пластида. Аккуратно наклепил, не пряча лица. Очередь от восторга ахнула. «Вот разгул терроризма-то!» – выдохнул кто-то. Откуда-то с хвоста ответили: «Немцы знают толк в развлечениях!»

9
ВЕДАКОВ
11,24. Пятница

Ведаков разочарованно сортировал вырезки.

Ничего особенного. «Двигатель мирового искусства – лепра».

Какой-то студент поджег здание альма-матер. Сбросил нервный напряг.

Дезертиры. Эти уже бегают взводами. Креста на них нет. Забавная мысль.

«Человек, не веривший в чудо. Со второго класса школы не ждал от жизни ничего хорошего. В экспресс-лотерею выиграл триста тысяч рублей. «Чудо! Чудо!» – восклицали все, а он пошел в универмаг и просто купил белый костюм, шляпу и сумку. Из бережливости старую одежду положил в ту же сумку, туда же бросил полученные в банке деньги. Коллеги весь день прислушивались к шагам на лестнице. Ждали товарищеского ужина. Но в свой бедный офис человек, не веривший в чудо, не пришел, зато утром позвонили из реанимации. Оказалось, получив деньги, пошел он через центральный парк, а там как раз устанавливали новые бетонные статуи. Одна статуя была красивая: усатый парень в пиджаке в узкий пояс, брюки дудочкой. Нет, не чудо это, не чудо! В следующий момент, человека, не верившего в чудо, сбила поливальная машина. Сперва он подумал, что его просто облили грязной водой, теперь придется судиться из-за белого костюма, но оказалось, что это ему сломали ногу, а он при этом описался. А плечо вывихнул уже при падении. А сумка с деньгами и старой одеждой зацепилась за бампер и уехала вместе с поливальной машиной...»

Чухня какая-то.

На телемониторе вспыхнул перечеркнутый красным круг.

Ведаков насторожился. «Захват художественной галереи. Вооруженные люди захватили заложников. Художественная галерея „У Фабиана Григорьевича“ окружена спецназовцами. Связи с террористами пока нет. Из внутренних помещений доносятся выстрелы».

– О черт!

Пораженный известиями Ведаков бросился к двери.

10

ПЕТУНИН

11,27. Пятница

- Петунин!
- Так точно!
- Быстро на выезд!
- Что там у нас теперь?
- Художественная галерея!
- Опаньки! Давненько мы не имели дел с высоким искусством.

Бронежилет, обтертая, подогнанная кожаная сбруя, легкий скрип ремней, по груди жирно: «*Антитеррор*».

– Ну, искусство там, положим, не такое уж высокое, – знающе усмехнулся дежурный. Глаза у него смеялись: – Какой-то заезжий немецкий коновал демонстрирует своих покойников.

- А чем они отличаются от наших?
- А черт его знает. Может, упитанностью.
- Неужели люди на такое смотрят? Да еще за деньги.
- От жизни отстае, капитан Петунин!
- Откуда первичная информация?
- С *TV*, – почесал голову дежурный.
- Мать вашу! Когда *мы* начнем узнавать первыми?

– Так ведь свидетели или террористы, черт знает, кто там звонил, сообщили сперва прямо на телевидение. «Антитеррор» никого знаменитым не сделает, что нам звонить? Люди насобачились искать, где лучше.

- Что известно о террористах?
- Практически ничего.
- Конкретизируй.

– Один или два человека. Может, три. Вряд ли больше. Но и не меньше. Одному в таком пространстве работать трудно. Это из самолета никто не выскочит на ходу. А тут не удержишь. Но это пока предположения, капитан. Связи с террористами нет. Требований никто пока не выдвигал.

- Сколько там входов?

– Уточняем... Минутку... Ага, пошла инфа... – дежурный поправил невидимый наушник в ухе. – Входов в бывший подвал – три... Впрочем, один наглухо заложен кирпичом, еще один укреплен стальной дверью, на стеклянной входной двери – стальная решетка и жалюзи... Касса, бухгалтерия, кабинет для деловых встреч... – на персональном элноте Петунина появилась схема внутреннего пространства галереи. Теперь, слушая дежурного, капитан световым пером делал нужные пометки. – Кабинет директора... Два разделенных широкой аркой выставочных зала... В большом зале бассейн для специализированных выставок... Два туалета, запасники для экспонатов, что-то вроде морозильных камер... Мясницкая прямо... Здание блокировано, жителей соседнего дома эвакуируют...

- Ладно. Не теряй связь.

Две крытые машины с бойцами стреляли выхлопами.

Ухватившись за чью-то руку, Петунин перевалился через борт.

Металлическая скамья, парни в масках, никакого волнения. Все как всегда. Никакого волнения. Ассенизаторы обязаны работать спокойно. Они должны делать свою работу уверенно. Иначе весь город провоняет дерьмом.

11

ВЕДАКОВ

11. 28. Пятница

Главный разговаривал по телефону.

Торопливо разговаривал, нервно. Увидев Ведакова, замычал невнятно, замахал рукой: «Потом! Потом! Все потом! Быстро зови Федюню!»

Жискин, правда, вызову не обрадовался.

– Зачем я главному?

Зато Ведаков начал чуть ли не с порога:

– Иван Исаакович, эта галерея... Там сейчас такая карусель начнется... Я сейчас свободен, поручите мне...

– Ты что! Ты мне здесь нужен.

– Зачем, Иван Исаакович? Кого пошлете в галерею? Не Федюню же. Он привык получать новости из эфира. Некого послать в галерею, все в разъездах или в отпусках. А Калинина, – не удержался он, – найти не могут.

– А его не надо искать.

– Как это? Никто не знает, где он.

– Я знаю. На месте. Калинин всегда на месте.

– На каком это еще месте?

– *На своем.*

– Ну что загадки загадывать, Иван Исаакович!

– Калинин там, где и должен быть настоящий журналистов. Среди заложников!

– В галерее?

Ведаков изумленно замолчал.

Нехорошим холодком опалило сердце. А Ксюша?... Неужели и она увязалась за Калининым?... Телефоны молчат... Какого черта Калинина с утра понесло в галерею? Вчера не просто так, получается, болтал... Опять нехорошо опалило сердце... Перед Ксюшей покрасоваться? Она это любит. Сама еще та артистка, только помани пальчиком...

– Федюня, – поморгал главный, даже потер руки, непонятно, чему радовался. – Срочно садись за компьютер. Выкачай из Интернета все, что известно о галерее «У Фабиана Григорьевича». Сегодня это наша главная тема. Узнай все о хозяине, о выставках, о заезде немца. А ты, Андрей, садись на связь. Будешь обрабатывать информацию.

– Какую информацию?

– Ту, что пойдет от Калинина.

– Не понял.

– Чего ты не понял?

– Если Калинин среди заложников, то как он выйдет на связь? Кто это позволит ему?

– Выйдет! Еще как выйдет! – прикрикнул главный. – Он умеет.

Главный, видно, и мысли не допускал о каком-либо сбое.

– Не пропусти ни слова. Колдуй! Фиксируй все. Каждый звук, каждую фотку. С *TV* я уже переговорил, Седьмой канал готов начать трансляцию в любой момент. Чуешь, чем пахнет? Трансляция пойдет со ссылкой на нас, на «Газетту», как на первоисточник! – глаза главного хищно сузились. – Звездный час! Чуешь?

– Иван Исаакович!

– Что еще?

– А как быть в «Антитеррором»?

- А при чем здесь эти ребята?
- Ну как? Вся информацию такого рода мы в первую очередь должны предоставлять «Антитеррору». Существует закон.
- Еще раз помянешь закон, – рассвирепел главный, – вообще сниму с задания.

12 ШИВЦОВ 11,40. Пятница

С потрясенным охранником, прикованным к батарее, с немолодой бухгалтершей, с насмерть перепуганной худой, как палка, кассиршей, смертно икающей и сосущей при этом валидол, да с двумя пожилыми смотрительницами заложников оказалось ровно тридцать три человека. Охранника Шивцов перевел в зал, но оставил в наручниках – светились в глазах парня невыносимая дикость, вполне мог взбрыкнуть. Зато остальных в героизме заподозрить было трудно. Толпа. Только что любовались трупами, теперь сами превращаются в кандидаты на тот же статус. На лицах мужчин – неизгладимая печать высшего образования, а у женщин вообще не лица, а застывшие маски.

А Калинин...

Шивцов ухмыльнулся.

Калинин не дурак, он сразу просек ситуацию.

Конечно, объятия Шивцову не раскрыл – кого тут удивлять и с кем брататься? – но и недоумения особого не выказал, будто ожидал чего-то такого. Пусть втайне, но ожидал. Настоящий журналюга, всегда настороже. Правда, девку Андрея Ведакова он как бы прикрывал, прятал за себя, хотя Шивцову-то что до его страстишек? Головная боль отступила, утренний депресняк рассеивалась. Так всегда бывало с Шивцовым, когда он вдруг ловил руками спасительную соломинку. Указывая стволом пистолета, он усадил заложников на полу. Толпа... Запах страха... Быстро они сломались... Шивцов чувствовал странное возбуждение. Кажется, только Калинин что-то понимал, а Ксюша, дура, так и уселась на бортик бассейна, наполненным какой-то красноватой дрянью. Раствор, похожий на кровь... Только где крови столько возьмешь?... Ксюша, кажется, замерзла, ее трясло... Делает вид, что не узнала, боится, что заподозрят в связях с террористом... Перепугалась, поджала хвост... Значит, Калинин ночью все-таки достучался до нее... Открыла дверь...

Ладно, разберемся...

Кто-то должен ответить...

Кто-то обязательно ответит за все...

Вот с помещением, кажется, повезло. Коридоры полностью просматриваются. Пройти незамеченным в сдвоенный зал просто нет шансов. А потолок подрывать – балки рухнут. Надо так рассадить людей, чтобы пустовали только безопасные уголки. Окна узкие, готические – под потолок. На окнах решетки. А стекла замазаны белилами, как в общественном туалете, только аккуратно, и снаружи (он помнил) торчат бетонные парапеты, снайперам не разгуляться.

Вот только экспонаты...

Нет, они не смердели, но выглядели отвратно...

Что-то такое Шивцов видел в Чечне. Правда, там раны были страшнее, *свежие*. Там они кровоточили, там с кровью из человека уходила жизнь...

А тут...

Паноптикум для извращенцев...

Вываливающиеся, будто выдавленные глаза, безобразно оскаленные черные зубы, надломленные, щербатые... Коричневатые, подвяленные, как медвежатина, мышцы... Школьников сюда водить на уроки анатомии... От вида безносого кривого карлика со вспоротым животом запросто можно описаться... Белесые, натурального цвета кишки, окровавленные комки желудков, почек... Кривоногий всадник на лошади – настоящая мумия, как ее выполнили, непонятно... У коренастой мумии под окном грудная клетка вспорота, вскрыта, хорошо

видны деформированные черные легкие. Челюсть откинута, морщинистое сердце на мясистой ладони... Данко, мать его!

Шивцов чувствовал на себе взгляды Ксюши.

Ничего не понимает. Делает вид, что не узнает. Смотрит украдкой.

Конечно, узнала его. Вчера в баре сидела напротив. *«Он сам нарвался, он сам нарвался, и в этом нет моей вины»*. Это она нарвалась... Танго семи убийц... Ведаков и Калинин ртов не закрывали, уламывали Ксюшу. – «Выставка? У Фабиана? Там, наверное, ужас!» – «Ну, ужас. Но не ужас-ужас. Такое только у Фабиана увидишь!» – «Мне и без Фабиана сны снятся страшные...» – «А будут сниться еще страшнее!» – «Да ну. *Новая эстетика!* У Фабиана даже покойниц упаковывают в эротическое белье». Вот и купилась Ксюша. Пришла. Трясет нежными завитушками.

Шивцов потянул носом.

Странно, но мертвечиной не пахло.

Ведакову Ксюха, конечно, не позвонила... Андрей сейчас дергается, ищет ее... Заслужил... Когда дурак вот так, как Ведаков, покупается на женский запах, с ним сладу нет. Калинин умнее. Он хищник. Быстро сориентировался, держит Ксюшу, на меня не смотрит. Помалкивает, присматривается. Может, пристрелить его? Просто так, чтобы не лапал чужих шлюх? ... Да ну... Шлюхи чужими не бывают, они всегда общие... *Наши*... Пусть Калинин покрутится, время есть. Пусть проявит свой профессионализм, мне плевать... *Кто-то должен ответить*... Калинина многое умеет, надо отдать должное. Все у него, у кудрявого гада получается. Он даже о сибирских землепроходцах на *TV* сумел рассказать как-то по-новому.

Он вдруг вспомнил голос Калинина.

«И ответчик челобитную выслушал. Отвечал: не знаю, не ведаю».

Голова закружилась. Чеченская контузия крутит меня, как хочет. Шивцов сжал виски ладонями. Что-то с памятью случается в такие минуты, вдруг идут выбросы такие яркие, будто сам все придумал. Калинин в архивах отыскал некий иск на самого Дежнева, открывшего когда-то морской проход между Азией и Америкой.

«И судья у истца спрашал, чем его уличаешь?»

Будто голос звучит, все так ярко и ясно... Шивцов боялся таких вот неожиданных приступов... Блин, откуда всплывают слова, которые он никогда бы не сумел запомнить?

«И истец уличал Божьею правдой, крестом животворящим, и слался на артельщика своего Шапку».

А ответчик отвечал: я вот не шлюсь на Шапку.

А истец слался на Панфила Иванова, а ответчик и на него не слался.

А истец слался на Самка Петрова; а ответчик и на него не слался.

А истец слался на Пятку Сафонова, а ответчик опять не слался.

И судья спрашал у третьих – у Шапки, у Самсона, у Панфила. И они сказали по государеву крестному целованию правду: дескать, пришед, правда отдал соболя Дежневу тот Сидор. А Дежнев вернуть не хотел...»

Как такое может храниться в памяти?

Молодая женщина в синеньких, художественно изодранных джинсах и в белой элегантной кофточке с ужасом смотрела на Шивцова из-за мумии с низко опущенными костлявыми руками.

– Что? На шиза похож?

Женщина отпрянула. Вместо нее пожилая смотрительница просительно прошептала:

– А в туалет можно?

И смотрела фальшиво.

Наверное, прятала, сучка, мобильник.

«В туалет?» Не понимая, что делает, Шивцов выхватил из сумки обрез.

Грохнул выстрел, посыпалась штукатурка. «Сидеть всем!» Кто-то закричал, пополз вдоль бортика бассейна, наполненного застоявшимся кровавым раствором. Блин, как болит голова! Второй выстрел грохнул еще мощнее. Даже дрогнули в бассейне белые паруса бумажного кораблика, украшенные вечными словами: « **МИР – ЛЮБОВЬ – МИР** ».

– Собери мобильники!

Девчонка в розовом сарафанчике (Шивцов указал на нее пистолетом), роняя безмолвные слезы, собрала мобильники. Калинин поднял руки, у него, дескать ничего такого нет. Шивцов мрачно ухмыльнулся, указал: этого не трогай. Калинин сразу приободрился, будто они обменялись какими-то сигналами. Понял что-то своим звериным нюхом, журналюга, подонок.

Кто-то должен ответить...

Кто-то обязательно ответит за все...

Шивцов аккуратно поставил у ног сумку с оружием.

13

ПЕТУНИН

11.42. Пятница

Обычная кирпичная шестиэтажка.

Небольшой двор, голый, с мусорными баками.

Блокировать подходы к галерее – никаких проблем, правда, теснота лишает бойцов оперативного простора. А вот задняя стена выходит в глухой переулок. Там поставить машину, посадить пару стрелков, мышь не проскочит. Со свидетелями «захвата» галереи общался Миша Яранский, высокий брюнет-аккуратист. Ничего интересного, все смешалось, каждый видел только то, что видел. А кто-то из прибывших телевизионщиков уже сунул микрофон под нос Петунину:

- Что известно о намерениях террористов?
- Полагаю, собираются вывезти немецких покойников за рубеж.
- Это достоверная информация?
- Стопроцентно.
- Чего еще требуют террористы?
- Грузовой планер и трехнедельный запас шмали, водки и закуси.
- Планер? – изумился корреспондент. – С трехнедельным запасом? Куда же это они

собрались?

- В Гану.

Дурака-телевизионщика оттащили.

- Сержант! – крикнул Петунин. – Снайперы расставлены?
- Двое на третьем этаже. Еще трое укрылись на соседней крыше.
- Входная дверь?
- Жалюзи и сейфовая решетка.
- Заминирована?
- Пластид. Граммов двести.
- Что слышно внутри здания?
- Пока ничего, – ответил военный техник Женя Арутюнян.

Он даже провел рукой по клавиатуре разверток, будто невидимую кошку погладил. Электроника была его слабостью и призванием. Подполковник Стопольский не без труда выдернул Жору из какого-то закрытого института. Он сам не хотел уходить, но уговорили. Подполковник это умел. Дверцы армейского джипа, набитого аппаратурой, были сейчас настезь распахнуты.

- Внутренние телефоны?
- Молчат.
- Сеть?
- Выходы не отмечены.
- Сигналы снаружи?
- Я бы сразу доложил о таких попытках.

Арутюнян замолчал, но все же не выдержал:

- Товарищ капитан, кому понадобился какой-то дохлый подвал с трупами?

Петунин не ответил. Бойцы уже подобрались к узким, похожим на бойницы, окнам галереи. Из-за каменных парапетов заметить бойцов изнутри было невозможно. В том месте, где белила слегка осыпались, к стеклу незаметно прилипла крошечная видеокамера с тянущимся от нее световодом. Теперь Арутюнян развернул экраны так, чтобы Петунин видел происходящее в галерее. Изображение, правда, не отличалось внятнойостью, к тому же вдоль кадра тянулась

размытая полоса, – видимо, перекладина решетки, – но все же в обзор сразу попали несколько человек, сидящих прямо на полу под мраморным бортиком бассейна.

– Дай схему экспозиции.

Арутюнян снял листок с принтера.

– «Художественная инсталляция МИР и ЛЮБОВЬ», – Петунин сплюнул. – Скучно. Разучились называть вещи своими именами.

– Да как сказать... И мир, и любовь... Вы, товарищ капитан, присмотритесь к бассейну... – Арутюнян длинным пальцем провел по экрану ноутбука. – Темный... Залит чем-то темным... Будто кровью...

Он вдруг напрягся.

– Ну? Что у тебя?

– Выход в Сеть...

– Кто-то из заложников?

– Не похоже... Капитан, это где-то рядом...

Петунин подал знак бойцам. Синяя, недавно покрашенная телефонная будка торчала шагах в пяти от джипа. Когда дверь будки распахнули, увидели колдующего над персональным элнотом человека. Он сидел на корточках, торопился, вспотел от напряжения. Выругался, увидев, что его нашли. На потной футболке алел фирменный лейбак «LTV».

– Ты кто, сволочь?

– Не трогайте меня! – заорал молодой человек.

– Быстро колись, ты кто?

– Репортер без границ!

Петунин злобно махнул рукой:

– Выбросьте его отсюда!

14 ШИВЦОВ 11.47. Пятница

Виски ломило.

Испарина на лбу. Дрожь в пальцах.

Закрыть глаза, прижаться лбом к холодному стволу.

Мумии... Мигающий свет люминесцентных ламп... Отливающий черной кровью бассейн... Рваные джинсы, вельветовые джинсы, шорты... Рубашки, кофточка, юбка... Оголенные животы, прячущиеся глаза... Что я тут делаю? Провалы в памяти... Но кто-то должен ответить, это точно... Распущенные кишки... И опять нежные полоски обнаженных женских животов... Зачем тут эти люди? Пришли любоваться трупами?... Не явись вы сюда, я бродил бы по улицам... Прижать ствол к виску, пусть балдеют... Не дождутся... *Кто-то должен ответить... Кто-то обязательно ответит за все...*

Вдруг вспомнилось, как пьяный Калинин приволок к нему доморощенного буддиста. Года три назад. Не меньше. Оранжевый балахон, ровный голос. В руках *мри-данг* – барабан, похожий на оранжевую дыню. «Мы говорим – *мой дом, моя собака, моя жена, мои деньги.* Мы говорим – *наша земля, наш дом, наше дело, наша машина.* Мы говорим – *наше Солнце, наша Луна, наш мир, наша жизнь.* А они не наши. Они нам не принадлежат. У нас ничего нет. Голыми приходим в мир, голыми уходим. Даже не знаем, *зачем живем, для чего живем?* Знали бы, жили иначе...»

– Витя...

Шивцов поднял голову.

Боль мутно билась в висках.

Шепот осторожный, опасливый:

– Как ты себя чувствуешь?

– Не бойсь, в норме.

– Чего мне бояться? – шепот с оглядкой.

– А вдруг запишут в сообщники?

– А мы с тобой и есть сообщники, – непонятно ответил Калинин, левой рукой нежно приобнимая Ксюшу. Будто боялся ее потерять. Как бы и утешал девку, и одновременно как бы показывал всем, что не боится террориста, даже пытается заговорить с ним. Благо, никто его шепота расслышать не мог. Клевая отмазка, даже для «Антитеррора».

– Хлебнешь? – протянул плоскую фляжку. – *Мартель.* Ты знаешь, я дешевку не люблю.

Шивцов хлебнул.

– Вот уж не думал встретить...

– Да ладно. Все только к лучшему.

– Всегда?

– У меня – всегда.

– А у них? – кивнул Шивцов на заложников.

– Теперь поздно жалеть, Витя, – уже увереннее зашептал Калинин. – Захват галереи...

Я о таком не слыхал... Это раскрутить надо...

– Считаешь меня шизом?

– Гением, – возразил Калинин.

Шивцов хмуро перевел на него взгляд.

Ксюша ему всегда не нравилась. Похотлива на вид, не жалко.

Вот Андрея Ведакова жалко – хорошим парням везет на дерьмо. Или сами такое ищут? По запаху? Девка точно трахалась всю ночь, такой у нее вид, сил никаких нет, а Калинин несет...

– О чем это ты?

– О славе, Виктор.

– О какой еще славе?

– Ну, экраны. Страницы газет. Обложки журналов.

– И сколько человек надо положить, чтобы попасть на самые известные экраны и обложки?

Шицов медленно повел головой.

Ксюша попятилась, прикрылась рукой. Мутные больные глаза Шивцова ее пугали.

– Я в Чечне, знаешь, сколько навалил трупов, только ни одна обложка, ни один экран не откликнулись.

– Здесь не Чечня.

– Хочешь большого шума?

– А ты сможешь?

Калинин зря это спросил.

Грохнул выстрел. Ксюша взвизгнула.

Калинин охнул и присел, тяжело навалился на мраморный бортик бассейна.

– За шиза меня держишь? – мутные глаза Шивцова наливались кровью. – Шума большого хочешь? Славу ищешь?

– Витя!

Белое, почти алебастровое лицо.

– Саша! – визжала Ксюша. – Уйдем, уйдем отсюда! – и все пыталась поднять, потащить Калинина за руку.

– Заткнись!

Ксюша заткнулась.

– Обмотай рану, – Шивцов бросил Калинину бинт. – Кость не задета?

– Кажется, нет...

– Вечно тебе везет.

– Ты же не хотел попасть?

– Не знаю...

– Ладно, молчу, молчу!

Калинин, морщась, обматывал бинтом ногу.

Рана действительно оказалась плевой – пуля скользнула и ушла в пол.

– Ты не торопись, Витя. Дырка в ноге – это чепуха, я не в обиде, в моем положении каждое лыко в строку, сам знаешь. Ты вот о чем подумай... – Калинин шептал негромко, слегка наклоняясь к Шивцову. Заложники его не слышали. Непонятное, запутанное эхо, как шелест, бродило по залу среди позеленевших мумий. Со стороны все выглядело безумно просто. Разъяренный террорист выстрелил, но одумался... Раненый заложник бинтует простреленную ногу... – Витя! – шептал Калинин. – Я знаю. У тебя контузия. Головные боли. Ты крепись. Я ведь знаю. Тебя в Назрани грохнуло. Я и это знаю. «Норфолк-12». Да? Своя авиация зацепила.

Шивцов угрюмо усмехнулся.

В общем, Сашка профессионал.

Падла, конечно, но профессионал.

Не боится, не дрожит. Страх ведь не перетянешь бинтом, не протрешь спиртом. «Норфолк-12», кроме взрывной, дает еще инфразвуковую волну. Он и это знает? Откуда он все это знает? Такая волна напрочь сносит крыши бойцам. Саша много чего знает, чего ему бы

не полагалось знать. А знает он, что выжившие после такого удара обязаны давать подписку о неразглашении.

– Витя, я добыюсь...

– Инвалидности для меня?

– Ты не понял. Какая, к черту, инвалидность. У тебя теперь жизнь изменится.

– Ну да, изменится. Тюрьмой запахло? – мрачно усмехнулся Шивцов. – Есть еще коньяк?

– Будет. Куда денется. У тебя теперь все будет, только прикажи. Ты банкуешь, – нервно и быстро бормотал Калинин, отворачивая бледное лицо от уставившихся издали заложников. – Мы – твоя сила. Мы – заложники. Ты на нас теперь, как на трех слонах стоишь или на той черепахе. Мы, может, и скоты, придурки, падлы, сам видишь, какое дурачье с утра сюда набилось, но государство обязано нас спасать. Может, оно и не хотело бы, а должно. Иначе мировое сообщество не простит. Политкорректность. Ты не подумай... – шептал Калинин. – Я не злюсь, Витя. Это даже хорошо, что ты в меня пальнул. Урок для других.

– Добить тебя?

– Брось. Я всерьез.

Вместо ответа Шивцов навскидку выстрелил из обреза.

Пуля с визгом срикошетила, кто-то вскрикнул, с потолка посыпалась известка, куски побитой лепнины.

– Правильно, Витя, – быстро и подло подмигнул Калинин. – Сила убеждает.

О раненой ноге Калинин почти забыл, шептал и все подмигивал, будто у него там в глазу что-то заело:

– Мне только на связь выйти, Витя, тогда о нас сразу везде узнают. Мое имя – гарантия. Я всегда попадаю в нужное место и в нужное время. – Глаз у него дергался. – Я тебя знаменитым отсюда вытащу. Ты только не подкачай, торгуйся... Сегодня ты держишь кассу...

Он вдруг прищурился:

– А может, Ксюху хочешь?

И подмигнул, не оборачиваясь. Знал, что Ксюша ничего не слышит.

– Ты вчера на нее зверем глядел...

Шивцов медленно покачал головой.

Он опять не понимал, что собственно происходит, как он попал сюда?

Эти распущенные кишки, зеленые мумии, лоскуты содранной кожи, голые женские животы, испуганные глаза, бассейн с фальшивой кровью, плоской, тяжелой, как ртуть. Что за черт? Что происходит?

15

ВЕДАКОВ

11.49. Пятница

«Калинин на связи».

Главный негромко рассмеялся:

– Как ты, Саша? Там опасно?

Кажется, и Калинин там рассмеялся.

Ну, что такое опасность? Едешь в метро, видишь напротив себя оставленную кем-то сумку. А вдруг рванет? Вдруг прямо сейчас рванет? Открываются двери вагона, и ты разрываешься между нестерпимым желанием выскочить как можно быстрее из ставшего ловушкой вагона и стыдливой мыслью о том, что, возможно, зря паникуешь... Что правильнее? Стыдно ведь... Не один... А сердце страшно колотится и испарина на висках...

– Как обстановка? Пострадавшие есть?

А ведь главреду хочется, чтобы пострадавшие были, неожиданно понял Ведаков. По голосу ясно, что хочется. И Калинин снова пруха пошла: он первым сообщит в эфир и в газеты о происходящем в художественной галерее. Он внутри событий. Как всегда. Как-то странно все это... Захвачен не самолет, не корабль, а *художественная галерея*... И почему-то Калинин... Да нет, он ведь еще вчера собирался... Все равно странно... Ситуация необычная. Такого, вроде бы, нигде пока не случалось. Поэтому главред и томится. Чем ужаснее происходящее, тем острее интерес. Большие цифры бьют по мозгам.

Открыл почту.

«У вас в почтовом ящике одно новое сообщение».

– Ага! – увидел и главред. – Саша, получено! – крикнул в трубку. – Будь спокоен, ни слова не потеряем. На обработке у меня Ведаков. Он умеет. Он с твоими материалами много работал. А на TV твоя постоянная напарница. Саша, ты там осторожнее, – главный сжал кулак в каком-то не совсем ясном жесте. И тут же озаботился: – Имя Ведакова пойдет под основными материалами?

«Не в этот раз!»

– То есть ты хочешь, чтобы...

«Только мое имя, что тут неясного?»

– Понимаю, понимаю, Саша. Эксклюзивный материал. Мы потом книгу сделаем».

– Тогда к черту вас, – обиделся Ведаков. – Сами и доводите текст.

– Андрей, ты что? Это же двойной гонорар! – умоляюще зашептал главный, зажимая трубку ладонью. – Ты что, не понимаешь? Саша там под прицелом!

– Вот и связывайтесь с «Антитеррором».

– Никакого «Антитеррора», ты что! Это *наш* день! «Газета» на коне! Мы обошли всех на корпус! Вытаскивай из почти фотки. Саша нам фотки сбросил. Ты что не понимаешь – мы сейчас идем в гору!

Ведаков стукнул по иконке.

Он не сомневался, кого увидит.

И, конечно, не ошибся. Нет, не ошибся.

На фоне беззубых мумий, тяжелых, зеленоватых, оплывающих, рыхлых, густо, как огородные пугала, расставленных по всему залу, а вокруг бассейна так вообще особенно густо, как таинственные растения, среди обвисающих лохмотьев серой человеческой кожи, среди слизи какой-то, больше придумываемой, наверное, чем настоящей, чуть наклонившись вперед, гля-

дел в камеру сам Александр Федорович Калинин – знаменитый журналист. Другие заложники в кадр не попали.

Мумии.

Сумеречность.

И Александр Федорович Калинин.

Снято с собственной вытянутой руки – искажения бросались в глаза.

В ближайшие минуты снимок обойдет все самые известные газетные и телевизионные агентства мира, подумал Ведаков. Вот звездный час Калинина. Только так это и делается.

Он не завидовал.

Он нисколько не завидовал.

Скорее, был ошеломлен, даже сломлен.

Потому что вторая фотография развивала заданную тему.

На полу перепуганные люди. Женщины и мужчины. Какой-то верзила с наручниками, нацепленными на руку... Плачущая девушка... Как бы отдельно, на бортике бассейна... Блин, он, Ведаков, и думать не хотел о таком! Откинута красивая голова, сложенные одна на другую длинные ноги... Могла бы, черт ее побери, надеть юбку подлиннее... Золотистые завитушки волос... *«Приятно видеть пыхтящую русалку, выползшую из леса»*... Голубые глаза...

Вот так бывает, когда доверяешься знаменитому журналисту...

Фоном для верстальщицы Малышевой, для нежной Ксюши, золотистой глупой русалки, все утро не отвечавшей на отчаянные телефонные звонки, Калинин почему-то выбрал особенно мерзкий труп с располосованным, выпотрошенным до чиста животом, с распущенными по полу кишками...

16

ПЕТУНИН

11,49. Пятница

- Товарищ капитан!
- Снова сигнал? Сеть?
- Мобильник, завязанный на Интернет.
- Адрес сообщения?
- Арутюнян стремительно прошелся по клавиатуре.
- «*Gazett... собака... fart... ru...*»
- Редакция «Газетты»?
- Так точно!
- Набери!
- Арутюнян отщелкал номер.
- Декельбаум на связи...
- Это какой Декельбаум?
- А какой вам нужен?
- Говорит капитан Петунин. Представьтесь, пожалуйста».
- Главный редактор... – И после секундного размышления: – Вам, наверное, надо в секретариат...
- Не вздумайте класть трубку, – быстро предупредил Петунин. – И про секретариат забудьте. Я не просто капитан Петунин. Я – «Антитеррор»!
- Чем могу быть полезен?
- Точными и правдивыми ответами.
- А собственно... – Декельбаум явно колебался. – Что вас интересует?
- Звонки на ваш телефон. Вам только что звонили. А так же сбросили на адрес «Газетты» несколько электронных сообщений. Кто звонил? Откуда? По какому поводу?
- Давайте, пожалуйста, без этого напора. Нам многие звонят. Это же редакция популярного издания.
- Меня интересует звонок из художественной галереи «У Фабиана Григорьевича».
- А я прошу, без напора, – повторил Декельбаум. – Слышали о таком понятии, как свобода слова?
- Послушайте, господин Декельбаум, – почти нежно пропел капитан. – Вы должны знать, что совсем недавно депутаты Госдумы практически единогласно проголосовали за расширение полномочий «Антитеррора». Вы что, не знакомы с последними поправками к закону о СМИ?
- Долгие обиженные гудки.
- Откуда берутся такие уроды? – Арутюнян засмеялся, вглядываясь внимательно в мерцающий плазменный экран. – Да плюньте вы на него, товарищ капитан. От нас не спрячешься. У нас все как на ладони. В «Газетту» звонил некто Калинин Александр Федорович, – Арутюнян щелкнул виртуальной мышкой и удивленно вскинул брови. – Хотя, почему же некто? Известная личность. Калинин Александр Федорович. Журналист и телерепортер. Вещает на Седьмом канале, публикуется, по большей части, в «Газетте»... Кто его не знает? Постоянный адрес жительства: Новый Арбате. Тоже о многом говорит, верно?
- Подожди, Жора. Это что же получается? Сигнал в «Газетту» поступил из галереи?
- Так точно.
- Выходит, Калинин находится в галерее?
- Других предположений пока нет.

– И что же получается? Он может свободно звонить своему редактору. Террористы оставили ему мобильник?

– Даже снимать разрешают. Полюбуйтесь.

Арутюнян щелкнул по уголку экрана и тот развернулся в сторону Петунина.

С экрана на капитана уставился знаменитый журналист Калинин. Да, тот самый Калинин! И взгляд всем известный – открытый, сияющий, полный энергии и энтузиазма.

– Мобилу Калинина и телефоны Декельбаума – на постоянную прослушку.

– Уже сделано.

– Электронную почту «Газетты»...

– Уже сделано.

– Пробей мобильники всех работников галереи – наверное, ими тоже могут воспользоваться. Как только станут известны имена заложников – повторить процедуру с их мобильниками.

– Понял, товарищ капитан.

– Остаются персональные элноты. Их никак не проконтролируешь.

– Ну, не совсем так... Если постараться...

– Это в каком смысле? – удивился капитан.

– Существует пиратская база данных с кодами всех персональных элнотов, купленных за последние пять лет, а соответственно и имена владельцев.

– Пиратская?

– Ну да.

– И у тебя она есть?

– Ну... В общем...

– Чего ты мнешься?

– Да, есть такая база... Но – пиратская...

– Чего ты долбишь одно и то же. Я твоих слов не слышал. Понятно?

– Понятно, товарищ капитан!

– И вызови помощника. Этого... Как его?... Помнишь? С тобой работал... Соображает быстро?

– Бронштейль?

– Точно! Пусть летит сюда!

– Уже вылетел.

17 ШИВЦОВ 12.20. Пятница

Шивцов медленно вытащил из кармана сигареты, покрутил пачку в руках, но не закурил. Он пытался понять самого себя, эти размыты в памяти, сумку с оружием у ног. И Калинин...

– Ты думал о требованиях?

Калинин наклонился совсем близко.

Шивцов сидел не оборачиваясь, но краем глаза видел охранника, подозрительно возящегося за бассейном с наручниками, видел каких-то очкариков, заходящих осторожно сбоку. Сделают шаг и ждут. Футболки со спортивного вернисажа. Один, близорукий, наверное, поправляя очки, шепнул: «Нарик это... Сам видишь, нарик... Он же ничего не соображает, что попадет под руку, на то и жмет...» Погасшие, но вдруг от шепота начинающие оживать лица. Какая-то женщина задом отползла за распахнутую, как шкаф, мумию. А охранник занудно, но терпеливо, пытаясь, как муравей, все возился и возился с наручниками.

– Ксюша! – заорал Калинин.

Плевать на дуру. Витька, похоже, один. Никаких сообщников. Нельзя, чтобы все закончилось пшиком.

– Не ходите туда, – предупредил кто-то Ксюшу.

– Я боюсь! – крикнула она издали, прячась за мумию.

– Иди сюда!

– Я боюсь!

– Иди сюда, дура! – заорал Калинин уже каким-то другим, высоким, почти бабьим голосом, потому что Шивцов поднял и приткнул обрез к его спине. – Ты же видишь? Он тебя требует. Если ты не подойдешь, он начнет стрелять. И с меня начнет!

Это подействовало.

Постанывая от страха, Ксюша сделала несколько шагов к бассейну.

– Это что? Это кровь?

– Иди сюда!

Шивцов тупо смотрел на приближающуюся Ксюшу.

В висках опять темно ломило. Память играла, как волна.

Пульсирующая боль то отдалялась, то вспыхивала под черепной коробкой.

Небось, у мумий головы не болят, злобно подумал Шивцов. *Кто-то должен ответить... Кто-то обязательно ответит за все...* Полупрозрачная кофточка... Полоска открытого живота... Они все тут посбесились... Эта сучка, наверное, всю ночь каталась под Калининым. На Ведакова ей наплевать...

Нежные очертания чуть оплывших грудей...

Что за ткань? Ничего не скрывает...

– Саша...

– Подойди сюда.

– Саша! Зачем? Я боюсь.

Шивцов оборвал перепалку:

– Чего ты боишься?

– Тебя!

– А его не боишься? – указал на Калинина.

– Его не боюсь.

– А Ведакова?

– Не боюсь! – закричала Ксюша.

– Потому и спишь с кем попало?

– Тебе-то что?

– Спал он с тобой?

Ксюша не выдержала:

– Спал!

Люди у бассейна вновь присели на корточки.

«Может, ревнивый муж? Может, не террорист? Да нет, похож на журналиста этот кудрявый... Ну и что? Может, с женой чужой, а его прихватили... Такое нынче сплошь и рядом...» По шепоткам, бегущим по залам, чувствовалось, что заложники понемногу теряют страх. Охранник, например, открыто просил булавку.

– Витя, – запаниковал Калинин. – Чего ты пристал? Спал, не спал. Какая разница? Да и не было ничего между нами.

– Ну так вставь ей прямо сейчас! – заорал Шивцов.

– Витя, у меня камера работает.

Шивцов искоса глянул на стеллаж, где на средней полочке был аккуратно пристроен калининский мобильник со встроенной видеокамерой и прямым выходом в Сеть.

– Хочешь сказать, нас видят?

– Пока нет. Пока я только делаю запись.

– Ну вот и оттрахай эту шлюху. Ты ведь этого хотел вчера? А потом пусти в эфир. Пусть все увидят. Пусть Андрюша Ведаков полюбуется на своего приятеля!

Шивцов встал и расставил ноги.

Охранник позвякивал наручниками, какая-то женщина пыталась помочь ему. Два очкарика, студенты, наверное, трусливо, но упрямо заходили сбоку. Ртутно поблескивал в бассейне кровавый раствор.

Один очкарик остановился.

Но второй машинально сделал еще шаг.

В руках у него была бутылка. Обыкновенная пластиковая бутылка.

Наверное, брал с собой минералку. День душный начинался. Но кто может знать, что там, в этой бутылке? Шивцов с расстояния в три-четыре метра в упор расстрелял студента из пистолета. Ничего не видел, какие-то темные волны перед глазами. Только темные бегущие волны, и сквозь них вроде взлетели в воздух обрывки мышц задетой пулями мумии. Очкарика отбросило на белую стену, он сполз по ней, оставляя на белой краске кровавый след. Заложники негромко завывали.

– Возьми ее! – заорал Шивцов.

– Витя, ты же видишь, я не могу!

– Возьми меня, Саша! – в ужасе завизжала Ксюша. – Он же стреляет!

Ксюша вдруг оказалась так близко к Шивцову, что он ногой столкнул ее в открытый бассейн. Взлетели темные брызги.

– Возьми меня, Сашка! – визжала она. – Тебе же понравилось! Ты же сам вчера говорил, что тебе понравилось! – Грудь под мокрой полупрозрачной кофточкой казались теперь совсем голыми. Ксюша упала в раствор, как в кровь. Барахталась, поднимаясь: – Ну, Саша! Он же убьет нас!

– Витя...

– Тогда ты, – повел стволом Шивцов.

Сопя, оглядываясь на замерших, сгрудившихся на полу у стен заложников, на Шивцова, охранник с наручниками на руке в ужасе сполз в бассейн.

Ксюша завопила.

«Давай, сучка!» – орал Шивцов.

Пуля вдребезги разнесла череп наклонившейся над бассейном мумии.

«Я сейчас, сейчас...» – стонала полуголая Ксюша. «Сейчас...» Она судорожно рвала заклинившую молнию на мокрых джинсах охранника. Кровавые руки, кровавые лица, налившиеся кровью глаза, мумии, трупные оттенки, стоны, наконец, кажется, Ксюше удалось. В клубящейся зыби, в темных разводах охранник, хрипя, прижал ее к бортику. Кто-то упал, отползая в сторону, кто-то плакал. Охранник, навалясь на Ксюшу, ничего уже не понимал. Хрипел, прижимал Ксюшу к мокрому бортику. В бурлении крови. Или раствора. Теперь уже все равно. Под изумленными мумиями. «Давай!» – орал Шивцов. Он почти ничего не видел. «Подмахни, шлюха!» И трижды выпалил в потолок, обрушивая на людей куски пыльного алебаstra.

18

ЦЕМЕНКО

12,21. Пятница

Игольчатый микрофон едва прошел в щель между плитами перекрытия.

Конечно, слышимость оказалась скверная. Но все же сквозь невнятные скрипы, непонятные шумы, шорохи доносились отдельные слова. *«Возьми меня... Он же убьет нас...»* Чтобы понять фразу, приходилось прогонять запись через сложную систему фильтров, а это пятьдесят минут отставания от реального времени.

«Давай, сучка... Я сейчас...»

– Что там происходит?

– Рассмотреть сложно.

– А если замедлить скорость воспроизведения?

– Хотите смотреть матч в записи? – хмыкнул Жора.

– О, черт! – он сорвал с уха клемму с микрофоном. – Стреляют!

– Дай картинку!

Арутюнян одновременно крутил два верньера, попытался совместить плывущий звук с такой же плывущей картинкой.

– Сколько выстрелов?

– Пять или шесть. Чуть не оглох.

– Что там заслоняет видимость? Спина? Встал кто-то неудачно?

– Ну, да... – Арутюнян замер. – Если судить по звуку, товарищ капитан, стреляли из израильского «Иерихона»... Смотрите... – На экране вдруг появился край бассейна, заполненного густой темной жидкостью. Не очень ясный рисунок, но вполне различимый, с угадываемыми деталями. На вид жидкость в бассейне казалась тяжелой, как ртуть, но по ней шла рябь, как от брошенной щебенки. – А еще из обреза, кажись, пальнули...

Бах! Беспомощно падающая рука...

Бах! Снова чья-то спина. Белая рубашка в синюю полосочку...

– Не сиди без дела. Чисти звук, – Петунин бросил микрофон на стойку.

Арутюнян кивнул. Пальцы стремительно бегали по клавишам. Капитан Петунин раз за разом отматывал видеозапись. Трупов в галерее сейчас, подумал он, больше, чем можно представить... Он не знал, сколько, собственно, можно представить... Где картинка?... Кого там завалил этот гребаный террорист?...

Ага, пошла...

Петунин осторожно остановил изображение.

Потом прижал палец к округлой ложбинке, осторожно повел кольцо коррекции.

Мужская спина в клетчатой рубашке... Пятна крови на белой стене... Впрочем, запачкать стену и рубашку можно краской из бассейна...

Еще один поворот кольца.

Да, трупов после стрельбы стало больше. Как минимум, на один.

Эти психи там в галерее все же подстрелили кого-то. Нервные, сволочи. Сколько их там? Не узнав этого хотя бы приблизительно опасно начинать штурм. Неподготовленный штурм – это всегда большие жертвы. Как среди заложников, так и среди бойцов. Капитан не собирался подставлять своих ребят под пули. Да, убит заложник... Пока только один... Ну, будем считать, что один... Вполне возможно, что психи в галерее на этом не остановятся... Их нужно чем-то отвлечь, нужно забить им мозги каким-нибудь дерьмом, скажем, предложить курево, наркоту, ансамбль бандуристов, билет первого класса на Гавайи...

– Звук!

Петунин прижал микрофон к уху.

«*Ну так поставь ей...*» Что за черт? О чем они там?... «*Камера работает... Давай оттрахай ее!*». Что там происходит? «*Гордость журналистики...*» Они насилуют кого-то?... Выстрелы. Визг... «*Возьми меня, Саша...*» Голос, понятно, женский. Плеск воды... Такое впечатление, что кого-то столкнули в бассейн. «*Он убьет нас...*» Не откровение... В бассейне смутно, но все же различимо бились в крови люди, толкались, изображение на экране плыло, мужчина и женщина, не разобрать... но точно, не экспонаты выставки... «*Твою мать, не закрывай объектив...*»

– Товарищ капитан!

– Что тебе, сержант?

– Тут человек хочет вас видеть.

– Какой к черту человек? Не до него!

– Ну да, это так. Не до него. Но он говорит, что видит все, что там происходит.

– Где там?

– Ну, в галерее.

– Видит? Как это?

– Я не знаю.

Петунин выругался:

– Давай сюда этого человека!

Сержант махнул рукой и возле джипа мгновенно появился, как будто вынырнул из ничего, худенький узкоплечий мужичонка лет сорока пяти. Может старше, не понять. Глаза хитрые, но вовсе обеспокоенные. «Здрасьте», – улыбнулся мужичонка, и без приглашения полез в машину. На лоб и на глаза падали седые неопрятные волосы. На затылке волосы были схвачены зеленой резинкой, очки круглые, старомодные... Как наша запись, хмыкнул про себя капитан. С отставанием по времени.

– Слушаю вас.

Петунин сделал сержанту знак, чтобы задержался.

– Я – Цеменко.

– Ну и что? Имя?

– Вениамин Игоревич.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Но вы же спросили, – с укором произнес Цеменко.

– Что вам известно про людей захвативших галерею?

– Мне? – удивился Цеменко. – Ничего.

– Так что вам тогда нужно?

– Мне – ничего. Но я могу вам помочь. Я, конечно, ничего не знаю про террористов, – ничуть не смутился Цеменко, – но могу помочь. Я экстрасенс. Много умею. Например, вижу все, что происходит в галерее... – он сделал несколько пассов руками, будто отводил от глаз невидимый занавес. – Внутренним взором...

– Ах внутренним взором...

Петунин кивнул сержанту: «Убрать!»

– Погодите! – уперся Цеменко. – Зачем вы торопитесь. Я *видел*, я только что видел, как в галерее убили заложника! Только что убили! А сейчас насилуют женщину!

– Отставить, сержант.

Цеменко поводил ущемленным плечом (рука у сержанта оказалась крепкой), глаза заблестели. Похоже, он быстро осваивался в любой обстановке. Устроился удобно на откидном сиденье, сложил руки на коленях и посмотрел на капитана с полным осознанием своего превосходства.

– Ну и чем вы можете помочь?

– Да многим, – снисходительно, даже нагло вато кивнул Цеменко. – Но прежде чем уточнить роль и степень моего участия в операции по обезвреживанию террористов, с оружием в руках захвативших галерею «У Фабиана Григорьевича», я должен кое-что рассказать вам о природе моего скромного дара...

– Отставить!

– Но я должен...

– Не сейчас!

– Вы должны выслушать...

– У нас нет времени выслушивать всякие дурацкие теории.

– Ну, хорошо, – согласился экстрасенс. – Вы знаете, что такое биополе?

– Знаю. Слышал на лекциях, – кивнул Петунин. – Но внятно объяснить не могу.

– А я могу. Я отчетливо ощущаю колебания биополя, связанные с эмоциональными всплесками. Понимаете? Самыми мощными и яркими бывают всплески негативной биоэнергетики. Эти выбросы воспринимают практически все люди, находящиеся неподалеку от эпицентра трагических событий, но большинство расценивает внезапно появившиеся странные желания и несвойственные им позывы всего лишь как результат переутомления или нервного срыва. Ну, знаете, конечно, как это проявляется на бытовом уровне. Хамское поведение в общественном транспорте, семейные ссоры, разборки с коллегами...

– Вы живете тут неподалеку?

– Нет, я живу в Нагатино-3.

– Как вы узнали о захвате заложников?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.